

Влияние Номоканона на русское законодательство XV-XVI веков: сравнительно-правовое исследование

Influence of the Nomocanon on the Russian legislation of the XV-XVI century: a comparative legal study

Алиев М.Г.

Студент 2 курса бакалавриата Юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

e-mail: alievmirg@mail.ru

Aliev M.G.

2nd year Bachelor's student of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

e-mail: alievmirg@mail.ru

Аннотация

Номоканон – византийский сборник церковных правил со сложной структурой, включающий в себя множество как светских, так и исключительно церковных актов. Нормы, заключенные в Номоканоне, явились основой для будущих кодифицированных актов молодого русского государства, столкнувшегося с необходимостью создания собственного свода правил.

Русский законодатель на протяжении многих веков обращался к Номоканону: при составлении Русской Правды (XI-XII вв.), Судебника Ивана III (1497 г.), Судебника Ивана IV (1550 г.), Соборного Уложения царя Алексея Михайловича (1649 г.).

Предметом данного исследования является влияние Номоканона на русское законодательство XV-XVI вв.

Ключевые слова: рецепция права, церковное право, Номоканон, Судебник, византийское право, Московское государство.

Abstract

The Nomocanon is a Byzantine collection of church rules with a complex structure, including many both secular and exclusively ecclesiastical acts. The norms contained in the Nomocanon formed the basis for future codified acts of the young Russian state, faced with the need to create its own set of rules.

The Russian Russian legislator has been referring to the Nomocanon for many centuries: when compiling the Russian Pravda (XI-XII centuries), the Judicial Code of Ivan III (1497), the Judicial Code of Ivan IV (1550), the Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich (1649).

The subject of this study is the influence of the Nomocanon on Russian legislation XV-XVI centuries.

Keywords: reception of law, church law, Nomocanon, Sudebnik, Byzantine law, Moscow state.

Вопрос, связанный со степенью и характером влияния Номоканона на русское законодательство, долгое время составлял центральное звено в научной дискуссии, посвященной рецепции в русском праве.

Сама проблема рецепции византийского права впервые фундаментально была обозначена еще в первой половине XIX в.: в 1829 г. барон Г.А. Розенкампф издал труд «Обозрение Кормчей книги в историческом виде», в 1850 г. была издана книга Н.В. Калачова «О значении Кормчей в системе древнего русского права». О влиянии Номоканона (Кормчей книги) писали А.П. Щапов, А.С. Павлов, М.И. Бенеманский, Н.И. Тиктин, В.Н. Бенешевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, Ф.И. Леонтович, Д.И. Илимский, П.Н. Мрочек-Дроздовский и др.

Номоканон берет свое начало как чисто церковный источник, применяемый во внутрицерковных делах, а также в делах людей, полностью зависящих от Церкви (например, задушные люди, вдовы). Постепенно с развитием церковно-государственных отношений, на которые также влиял внешнеполитический контекст (преимущественно, задаваемый Византией), происходило заимствование норм светским законодателем из канонических источников.

Определяющим событием в указанный период является подписание Ферраро-Флорентийской унии 1438 – 1439 гг. католиками и православными. Византия в то время находилась в глубочайшем как внутривосточном, так и внешнеполитическом кризисе – существовала постоянная турецкая угроза. Протопресвитер Иоанн Мейендорф так характеризует основные положения унии: «Постановление об унии было выражением западного взгляда на вопрос о *filioque*: признавалось, что Дух Святой исходит от Отца и Сына «как от единого начала» (*sicut ab inorigines*), и вставка в Символ веры объявлялась «законной». Главное: отныне папа истинный «наместник Христов», обладающий полнотой власти в управлении и окормлении вселенской Церкви» [5, с. 76-77].

В конце XV в. Москва твердо убедилась в том, что византийская церковь отошла от православия. Это стало толчком к появлению философской теории «Москва – третий Рим». Идея ее заключается в богоизбранности народов и преемственности царств. Суть и истоки «преемственности царств» отражены во второй главе книги пророка Даниила, в толковании сна царя Навуходоносора: поочередно сменит друг друга четыре царства (авассионское, мидо-персидское, эллино-македонское и римское) и только одно из них будет богоизбранным [2, с. 6]. С пришествием Христа, с последующим распространением христианства богоизбранность от иудейского народа принял вечный город Рим. Мессиианский характер передавался обоим половинам Империи, но после разделения ее священный характер передан Византии [2, с. 7].

Централизация власти и унификация законодательства, вылившаяся в Судебник 1550 г., коснулась и Церкви. При активном участии Ивана IV митрополитом Макарием был открыт Собор, постановления которого будут размещены в Стоглаве. Говоря о соотношении светской и духовной власти в указанный период, нужно отметить тот факт, что Судебник 1550 г. был повторно утвержден на Соборе 1551 г. [6, с. 267].

Епископ Иоанн (Соколов) в своем сочинении указывает на тот факт, что при составлении всего нашего законодательства, в том числе Судебников, постоянно опирались на священные правила св. Апостолов и Отцов, а также на «первых царей (греческих) уречения». Автор видит причинно-следственную связь, говоря о том, что по этой причине сохранилась внутренняя связь русского права и византийского. Так, Судебники, испытывая влияние византийского права, назначают за множество уголовных преступлений смертную казнь: воровство, подлог, подкупы, мятежи, измена, преступления должностных лиц. Виновность определяется, кроме важности предметов вины, мерой повторения преступлений. Были в употреблении казни чисто византийского характера: за подделку монеты – отсечение рук и заливие оловом горла. Вышеуказанная характеристика норм Судебников позволяет сделать вывод, они сформировались под влиянием Номоканона, который включал в себя законы Юстиниана, закон градский (49 гл.) и узаконения Эклоги императоров Льва и Константина (50 гл.).

В Судебниках, как в памятниках преимущественно уголовного права, произошла институциональная эволюция ключевого понятия в сфере уголовного судопроизводства. Понятие «обида», в более древних русских памятниках права рассматриваемое как нарушение частных интересов лица, сменяется понятием «лихое дело», которое означает общественно-опасное деяние, угрожающее государству и наказываемое «потоком и разграблением». Законодатель принимает все меры по борьбе с лихими делами, совершаемыми «ведомо лихими людьми», т.е. лицами, обладающими плохой репутацией в общине. Уже в самом выделении специального класса преступников, единственным методом борьбы с которыми является физическое истребление, усматривается византийская традиция уголовного права. Так, в гл. 49 Номоканона «Законы градские», которую составляет Прохирон, есть «нарочити

разбойницы» (гл. 49, гр. 39, ст. 15). Негативная «известность» лица, склонного к преступлениям всеобщинного уровня, усугубляет ответственность как в Прохироне, так и в Судебниках и влечет за собой смертную казнь. Особенность данного наказания в том, что государство всеми силами пытается избавиться от вредоносного элемента общества, не дает возможности примирения сторон, не допускает материального возмещения вреда, последнее положение особым образом подчеркивает мотивацию законодателя в избавлении общества от «лихих людей». Византийская норма нашла свое отражение в 8 и 9 статьях Судебника 1497 г. [6, с. 54-62], в ст. 59, 61 Судебника 1550 г. [6, с. 97-102] и даже в более позднем документе – в Судебнике Федора Иоанновича 1589 г. в ст. 115 [6, с. 84].

Перед приведением конкретных норм Номоканона и Судебников следует отметить, что Судебники, в отличие от Русской Правды, испытали меньшее влияние норм византийского церковного права, что будет далее отображено. Влияние Номоканона на Судебники можно свести к нескольким областям: разжигание бунтов и смут; преступления против собственности; наследственное право; имущественное право; обязательственное право.

Сравнивая нормы Номоканона и Судебников, следует обратиться к определяемой ими области государственных преступлений. Например, по вопросу разжигания бунтов и смут.

Так, Номоканон в гл. 42 ст. 74 гласит только о намеренном нарушении церковного богослужения («службу смятет»), а также о нанесении телесных увечий «или епископу, или причетнику, или инемъ слугамъ церковнымъ». В Номоканоне за такие преступления установлена смертная казнь – законодатель определяет данные деяния как в высшей мере недопустимые и некомпенсируемые («мечем главу его да отсекут») [3, с. 794]. Судебники, в свою очередь, расширяют список деяний, подпадающих под бунты и смуты. Так, в одном ряду с «церковным татем», о котором говорилось еще в Номоканоне, появляются «государственный убийца», «коромольник» «головной тать», «подымщик», «зажигальник», «ведомо лихой человек» в ст. 9 Судебника 1497 г. [6, с. 55]. Всем этим лицам назначается смертная казнь. Понятие, схожее с «коромольник» и, очевидно, однокоренное, встречается в гл. 49, гр. 39, ст. 6 Номоканона – «крамольницы» [3, с. 1083]. В данной статье перечислены наказания за мятежи и мятежные деяния. Например, «Глаголемии крамольницы, или мятежь влюдехъ творящии... во изгнание посылаются. Аще ли многи мятежи и бесчиния сотвориша... биени и острижены, отнюдь да изженутся». В свою очередь, Судебник 1550 г. в ст. 61 расширяет круг лиц, добавляя «городского здавца» и «подметчика» к вышеуказанному ряду лиц. Но в то же время данная статья вводит новое положение, а именно то, что лихой человек отныне обязан возместить ущерб истцу, если таковой будет; если же у «лихово» не оказывалось необходимый суммы, то его не выдавали истцу, а казнили [6, с. 108].

Преступления против церкви в Судебниках, институциональное оформление которых закреплено в Номоканоне, ставятся в данных статьях в ряд с государственными преступлениями, это связано с тем, что государь объявлялся еще со времен крещения Руси хранителем церкви, тем самым преступления против церкви наносили ущерб области исключительного ведения государя. Важно отметить, что именно в Номоканоне, как в древнем первоисточнике, закладываются норма об умышленном убийстве, которая влечет за собой смертную казнь – гл. 49, гр. 39, ст. 80 [3, с. 1098]. Судебники восприняли данную норму: в них любое убийство влечет за собой смертную казнь, особенно если убийство совершил «ведомо лихой человек» (умышленно), это отображено в ст. 8 и закреплено в ст. 39 Судебника 1497 г. [6, с. 59].

Заимствования из Номоканона в Судебниках 1497 и 1550 г. можно усмотреть в статьях, посвященных хищению чужого имущества.

Так, Номоканон гласит о рецидиве, являющимся уже тогдаотягчающим условием. («Аще ли убози суть сие сотворившии, биени да изженутся. Аще же не единою но многаци в татьбе яти будут, руки им да отсекут» – Номоканон, гл. 49, гр. 39, ст. 54) [3, с. 1092]. В византийском праве четко определен порядок назначения наказаний за хищение чужого имущества (представляется по гл. 50, зач. 16, о крадущих на ином месте, ст. 34 Номоканона [3, с. 1151]): за первое воровство преступник обязан вернуть украденное и возместить его

двойную стоимость («Крадяй... в первых убо вторай сие... и может на устроение украденного, посем сугубо украденного цену да подаст»), если же преступник не мог возместить удвоенную стоимость украденного, то его подвергали телесному наказанию и заточению («Аще ли не измовит есть, да биен будет и заточен»); при повторной краже – рецидиве – преступнику отсекали руку («Второе же аще сотворит, да усекнут ему руце»). Следует отметить, что в Византии были особо распространены членовредительские наказания, это нашло свое отражение и в Номоканоне: так, например, в Эклоге закреплено наказание в виде отсечения руки (без учета других телесных наказаний) в 8 статьях (примерно 15% от всех норм в Эклоге): ст. 10, 11, 13, 14, 16, 18, 46, 47 [8, с. 44-72]. Судебники 1497 и 1550 г. охотно восприняли византийскую норму. Так в ст. 10 Судебника 1497 года [6, с. 55], аналогично Номоканону, говорится о телесном наказании (формально «торговая казнь» была телесным наказанием, но зачастую осужденные погибали в ходе нанесения ударов) за первую «татьбу»; по ст. 11 данного Судебника [6, с. 55] за рецидив кражи преступнику назначается смертную казнь («А поймают татя выдруга с татьбою, ино его казнити смертною казнию»). В Судебнике 1550 г. практически полностью дублируется ст. 10 Судебника 1497 г., но с важным добавлением, которого в Судебнике Ивана III нет: «А не будет по нем крепкие поруки, ино его вкинути в тюрьму». Это прямая отсылка к Номоканону, который устанавливает лишение свободы за неспособность вернуть двухкратную стоимость украденного (гл. 50, зач. 16, о крадущих на ином месте, ст. 34 Номоканона: «Аще ли не измовит есть, да биен будет и заточен»). Статья 56 Судебника 1550 г. [6, с. 107] аналогична ст. 11 Судебника 1497 г. [6, с. 55]. Следует отметить, что за рецидив кражи в Судебниках, в отличие от Номоканона, более суровое наказание – смертная казнь, в то время как в Номоканоне, следуя византийской традиции, за рецидив кражи отсекали руку.

Продолжая тему, связанную с преступлениями против собственности, можно провести сравнение норм о насильственном захвате чужой земли. В данном случае произошла рецепция не правовой нормы как таковой, а правовой идеи. Номоканон заложил принцип, по которому сторона, захватившая землю, обязывалась вернуть законному владельцу его угодья («сугубо восхищенное отдаст», Номоканон, гл. 49, гр. 39, ст. 48). Судебники в свою очередь вводят денежную компенсацию за «потраву» в Судебнике 1497 года и «протраву» в Судебнике 1550 г., ст. 61 Судебника Ивана III [6, с. 61] практически полностью идентична со ст. 86 Судебника Ивана IV [6, с. 117-118]. Схожесть с византийским правом здесь заключается в самом виде преступления и в порядке несения ответственности за его совершение.

Далее следует рассмотреть блок статей, касающийся наследства. Наследственное право регулировалось Церковью, так как оно тесно связано с семейными отношениями: после смерти одного из членов семьи, наследственная масса переходила другим представителям семьи, что четко регулировалось соответствующей нормой. Любопытно, что нормы о наследстве были реципированы русским законодателем фактически из Библии. Основанием статей, зафиксированных в Номоканоне и позднее нашедших свое отражение в Судебниках, является Ветхий Завет. Так еще ветхозаветная норма попала в Номоканон и гласит о том, если кто-либо умирал без завещания, то ему наследуют сыновья, за их отсутствием дочери, за отсутствие дочери ближние рода (гл. 45, о наследниках от Числ. 10 [3, с. 864-865]). Данную норму как текстуально, так и контекстуально копирует Судебник 1497 г. в ст. 60 [6, с. 61] и Судебник 1550 г. в ст. 92 [6, с. 119].

Что касается имущественных прав (касаемо сыска и выкупа земли), то схожесть между Номоканоном и Судебником 1550 г. скорее формально-процессуальная, так как данная область наиболее подвержена местным социально-экономическим и обычным трансформациям. Единственное, что можно отметить, что и в Номоканоне (гл. 42, ст. 24 [3, с. 739]), и в Судебнике 1550 г. (ст. 85 [6, с. 117]) срок сыска и выкупа земли составляет 40 лет. Единственное, Судебник 1497 г. подобной нормы не содержит, связано это, скорее всего, с традиционным использованием данной нормы по Номоканону, не требующим дублирования в Судебнике в виду своей распространенности и широты использования в практике разрешения конфликтов.

Что касается обязательств, то сходство статей из Номоканона и Судебников можно найти в нормах, касающихся статуса «наймитов». В Номоканоне (гл. 49, гр. 17, О наймованиихъ, ст. 25 [3, С. 994]) «наймит», он же наемник, не исполнивший своих обязательств, лишался своего вознаграждения, установленного по оформленному соглашению («Аще без вины оставит ниву... да въдаст всего лето наем»). Судебник 1497 г. в ст. 54 [6, С. 61] полностью дублирует норму Номоканона без каких-либо добавлений. Судебник 1550 г. дополнил ст. 83 [6, С. 117], включающую в себе еще византийскую норму, новым условием: помимо расторжения договора и лишения дохода («найму лишен»), наймит теперь по жалобе своего «государя» обязан был платить штраф в размере двух сумм договора.

Подводя итог сравнительно-правовому анализу норм Номоканона и Судебников, нужно указать на тот факт, что влияние Номоканона на русское законодательство данного периода сильно ослабло. На то повлияли следующие исторические причины: 1) Флорентийская уния 1439 г. Историк Церкви В.И. Петрушко отмечает, что принятие греками католических догматических новшеств, в том числе и учения о папском примате, Москва восприняла как предательство, «давшие Руси православную веру греки во главе с патриархом и императором оказались отступниками и еретиками» [4]. 2) падение Константинополя в 1453 г. Падение апологета православия – Византийской империи – привело к крупным переменам в Московском государстве. Был поставлен на митрополичий престол Феодосий без ведома Константинопольского патриархата, Русская Церковь стала обретать черты независимости. 3) В связи с новой политической обстановкой и переменой в русско-византийских отношениях в Московском государстве стала формироваться особая политическая идеология «Москва – Третий Рим». Отныне Москва – духовный центр православного мира после крушения Византии. Старец Филофей в своих сочинениях обозначил историческую преемственность царств, поставив Москву наравне с Византией, некогда возвышавшейся над всем православным миром: «Яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [1].

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. под ред. Д. С. Лихачева. Послания старца Филофея. Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова. Санкт-Петербург, 1997.
2. Кириллов И. А. Третий Рим. Москва, 1914.
3. Кормчая (Номоканон). Репринт. Санкт-Петербург, 1997.
4. Петрушко В. И. История русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества: учебное пособие. Москва, 2007.
5. Иоанн Мейендорф. Рим, Константинополь, Москва. Москва, 2005.
6. Российское законодательство X – XX веков. Том 2. Москва, 1985.
7. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. По списку собрания Ф. Ф. Мазурина. Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел. Москва, 1900.
8. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Перевод Е. Э. Липшиц. Москва, 1965.